

ИСТОРИИ СТАСЯНА

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ

СТАНИСЛАВ ФЁДОРОВ

Станислав Фёдоров Истории Стасяна. Мечты сбываются

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48710316

ISBN 9785005079619

Аннотация

Как убежать от шаровой молнии, мерзнуть в Африке, отказаться от убийства человека, нелегально попасть во Францию, пережить экономический кризис и разбогатеть, а также победить, проиграв в драке, бороться за свою мечту, произносить тосты, управлять танком вслепую и еще много удивительного, странного и смешного.

321 история из жизни программиста и финансиста в возрасте от 3 до 25 лет.

Истории от трогательных детских и до остросюжетных, серьезных, несущих отпечаток периода 80-х и 90-х годов в Советском Союзе и России, в которых упоминаются товарный дефицит, рэкет, фарцовка, гиперинфляция, приватизация, бандиты, продажная любовь, гостайна, космонавты, интернет-знакомства, сетевой маркетинг и многое другое. И, конечно, личные переживания и отношения с девушками и друзьями рассказчика историй.

Читать книгу можно не по порядку – читайте любую историю наугад или выбрав по названию.

Звездочкой * отмечены истории, особенно рекомендованные автором своим детям.

Содержание

Глава 1. Дошкольник	8
Первые воспоминания	8
Валенки в Африке	9
Время молитвы	11
Оглушительный успех*	12
Мгновенные фотографии*	14
Преступление и наказание*	16
«Седьмое небо»	18
Центр или двухкассетник	19
Пирамиды и бассейн	21
Ночной кошмар*	24
Помощник киномеханика	26
Аромат Пепси и мяса	28
Мама, не кури!	29
Шрам на лбу	30
Жвачка в волосах*	31
Любимые машинки	32
В отпуск? Навсегда	33
Пижон на тачке	35
Папа купил автомобиль	37
Машина – не моя мечта	39
Папины родители	40
Квартирный вопрос*	41

Персонажи нашей квартиры*	43
Тише! Соседи подслушивают	47
Глава 2. Начальная школа	50
Первая учительница	51
Первый «В» – в квас	53
Счетные палочки*	55
Главарь Череп*	56
Прыжки в резиночку	58
Я – спринтер	59
Первая оценка*	60
«Школа дураков»	61
Школа искусств*	62
Настольный теннис дома	64
Слуховой аппарат	65
Пионерлагерь «Березка»	66
Письмо маме	69
Ах, Одесса!	71
Квартирный вопрос 2	73
«Стальной зажим»*	75
Турник	76
Сахар и соль	77
Хлеб за валюту	78
Велосипед с «прокрутами»	80
Телевизор	81
Квартирный вопрос 3	83
Военная истерия*	84

Поцелуй меня	86
Шаровая молния	88
Космонавт Титов*	91
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Истории Стасяна. Мечты сбываются

Станислав Фёдоров

© Станислав Фёдоров, 2019

ISBN 978-5-0050-7961-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Дошкольник

Первые воспоминания

«Похоже, он ничего не понял», – сказала обо мне мама папе после того, как поставила меня в известность, что мы всей семьей уезжаем из Москвы в Африку, а точнее в Египет, надолго.

Шел 1979 год, мне почти четыре года. Папа получил работу в Торговом представительстве СССР в Каире. Это была настоящая удача, ведь Арабская Республика Египет – капитальная страна. Так тогда говорили о капиталистических странах, противопоставляя их социалистическим. Там платили валютой и в магазинах было много зарубежных товаров, недоступных гражданам СССР.

Есть более раннее воспоминание о детском саде, но оно весьма смутное. Возможно, это воспоминание в большей степени навеяно рассказом мамы. В детский сад я ходил всего три месяца. Утром я собирался в сад без проблем, как солдатик, но вот при подходе к калитке садика начиналась каждодневная истерика – я не хотел расставаться с мамой.

Валенки в Африке

Мама попросила в письме деда Васю, своего отца, прислать посылкой из Москвы в Каир валенки для меня. Дед возмутился и счел это недоразумением: «Вы же в жаркой Африке! Какие валенки? С ума сошли?»

Мы жили в одной из квартир дома торгпредства (Торгового представительства СССР) в Каире. Дом находился на огороженной высоким забором территории. Там во внутреннем дворике мамы с детьми проводили почти все время, так как за территорию мало кто отваживался выходить без мужчин.

Если уж выходили, то желательно группой и лучше не пешком, а на машине.

Зимой отопление квартир не было предусмотрено, и потому в квартирах очень холодно ночью: температура всего +5—10 градусов – как в холодильнике. В валенках теплее.

Время молитвы

В Каире, услышав призыв к молитве из громкоговорителей, все автомашины моментально останавливаются прямо на дороге, открываются дверцы, выходят верующие, встают коленями на асфальт и начинают массово молиться Аллаху.

Все время намаза приходится просто сидеть в стоящей машине, так как ехать ни вперед, ни назад невозможно: остановившиеся автомобили перекрывают путь. Время молитв плавающее, и не имея точного представления о времени начала, мы нередко попадали в такие ситуации.

Хорошо, если в момент призыва к молитве наша машина окажется в тени какого-нибудь дома, иначе на солнце в машине без кондиционера эти 10—15 минут тянутся долго.

Оглушительный успех*

Дети сотрудников учили стихи для выступления на новогоднем вечере 1980 года. Я тоже учил, хотя читать сам в свои четыре года не умел. Выступить предстояло в зале небольшого кинотеатра – пристройки к дому торгпредства. Мама переживала, что меня не будет слышно этим 30—40 зрителям в зале.

Мама хотела, чтобы я рассказывал стихотворение громко и четко, а не тихо и стеснительно, как на самом деле у меня получалось. Мы тренировали громкость. Даже специально выходили репетировать на наш балкон, чтобы эхо комнаты не стесняло меня.

И вот настал момент моего выступления на новогоднем вечере. Я шел первым, как самый младший из детей. Поднялся на сцену, четко зная, что буду делать. Я начал громко рассказывать стихотворение.

Оказалось, что для выступления предусмотрен микрофон с динамиками. Тетя встала сбоку от меня и поднесла микрофон к моему рту, а я на полной громкости продолжал рассказывать стих. Аппаратура многократно усилила мой голос, а зрители были буквально оглушены моей декламаци-

ей. И пока я не закончил стихотворение, выступление оставалось очень громким.

Зрители были ошеломлены таким натиском поэзии. Мне азартно аплодировали. Меня запомнили. А на вопрос тети с микрофоном, как меня зовут, я громко ответил: «Фёдоров». Зал был в восторге. Похвала и комплименты достались и папе с мамой. Я не подвел их, и это было для меня главное.

Мгновенные фотографии*

Папа взял напрокат фотоаппарат Polaroid, который почти мгновенно выдавал готовые цветные снимки. Это было чудо. Дорогое чудо. Каждая фотография обходилась примерно в 2—3 доллара. Папа зарабатывал около 320 в месяц.

Потом сфотографировав меня одного и потом меня с каждым из родителей по отдельности, родители закономерно захотели кадр вдвоем. Юный фотограф получил сложное задание: сделать фото родителей в полный рост в небольшой комнате. С учетом стоимости каждого фото второго дубля не предполагалось, что добавляло нервозности.

Удерживая большой фотоаппарат маленькими руками ровно, я пытался увидеть родителей целиком в видоискателе. Они помещались впритык. Я сделал фото и вскоре пожалел, что этот аппарат производит действительно мгновенные снимки — лучше бы он выдавал их когда-нибудь потом. Но нет, прямо сейчас стало видно, что на фотографии папе не хватает верхней части лба. Конечно, папа, мягко говоря, не был в восторге.

Стасик, 4-е года
Каир, 1980 г.

Каир, 1980 г.

Потом мы фотографировались на улице, у Нила и в машине. У Нила мама говорила мне: «Стасик, постарайся запомнить! Посмотри, это – река Нил. Посмотри туда, там мост. Мы в Каире, в Египте. Это страна такая. Запомни то, что ты видишь сейчас». Я кое-что запомнил.

Преступление и наказание*

Некоторые продукты питания доставляли из СССР. Например, сгущенку. Я очень её любил и мог запросто съесть полбанки за один присест, а то и всю. Привозили и воблу, и крупы, и деликатесы – икру.

Однажды мне не повезло: к нам в дом попала баночка черной икры. Стеклянная баночка – экспортный вариант. Предмет вожделения советских граждан. Мама и папа настойчиво и до иступления просили и требовали, чтобы я её «хотя бы попробовал», ведь «она мне обязательно понравится». Я не соглашался. Пытка на кухне длилась и длилась – меня не выпускали из-за стола, пока не попробую. Я плакал и отказывался.

Спустя полчаса, а то и час, мама отступила и поручила мне убрать эту баночку икры на полку. Еще продолжая всхлипывать, я встал ногами на табуретку, поднял руку с банкой, чтобы дотянуться до полки, но вдруг банка выскользнула, упала на пол и разбилась. Осколки стекла и черная икра лежали вперемешку на полу. Я был обвинен в умышленном вредительстве и приговорен к наказанию.

Ни до, ни после меня не наказывали физически. Но это

чудовищное преступление требовало порки: папа и мама были единогласны в своем решении, хотя своей вины в умышленности содеянного я не признал.

Роль палача ожидаемо досталась папе. Папа приготовил ремень, с трудом зажал меня между ног, оголил мою попу для экзекуции и уже было замахнулся стегнуть меня ремнем, как я в отчаянной попытке вырваться укусил его руку, удерживающую меня. Укус был очень сильным, палач взвыл от боли, и ему стало не до меня. Я вырвался и закрылся в ванной комнате. Продолжения экзекуции не последовало.

«Седьмое небо»

«Седьмым небом» называли последний этаж нашего дома торгпредства. Это была хорошо оборудованная крыша с баром и бильярдом. Жители дома – взрослые и дети – собирались там вечерами под открытым звездным небом. Приятное место. Сидели за столиками и в креслах. Там я впервые познакомился с игрой «Монополия», но, очевидно, в силу моего юного возраста тогда игра не захватила меня.

А вот мой дебют игры на русском бильярде, наоборот, получился удачным. Папы с нами в тот вечер не было, и я играл с каким-то дядей. То ли мне везло, то ли дядя хитрил, но мои шары активно заходили в лузы, хотя ростом я был лишь немного выше бильярдного стола. Я тогда впервые услышал фразу: «Новичкам везет».

Уверовав в свои задатки бильярдиста и узнав азы игры от папы, я и в последующие дни стремился играть в бильярд, но повторить прежний успех не удавалось. «Ну, не везет». Понятное дело, ведь я уже перестал быть «новичком».

Центр или двухкассетник

Гордость папы, дорогой музыкальный центр Sharp, проигрывал нам пластинки и кассеты. В Каире можно было приобрести записи любых музыкальных групп, включая ABBA, Boney M, Beatles. Из Союза привозили записи Высоцкого, советских эстрадных и детских песен. Чтобы переписать (скопировать) кассету, требовался двухкассетный магнитофон. Именно такие двухкассетники пользовались наибольшей популярностью у жителей торгпредства.

Нашей семье, чтобы сделать копию понравившейся песни

или всей кассеты, приходилось просить кого-то из обладателей двухкассетников. Это была тема упреков мамы в сторону папы. Мама считала неправильным решение папы приобрести музыкальный центр вместо двухкассетника. Папа же считал, что пластинки еще долго будут в ходу и Стасик будет их слушать на этом центре.

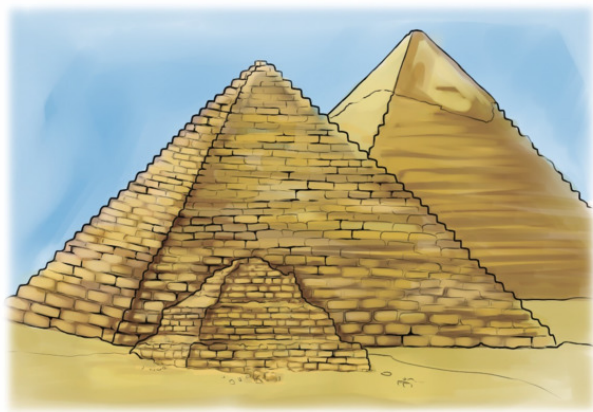
Пирамиды и бассейн

Абсолютный блондин с голубыми глазами, для местных арабов я был диковинкой, до которой многим хотелось дотронуться. Во время редких выходов на улицы города к нам подбегали мальчишки-арабчата, зачастую грязноватые на вид, и без спроса касались меня, особенно волос на голове. Мама переживала по этому поводу, и хотя мне было уже четыре года, она старалась поднимать меня на руки, дабы не дать детворе дотянуться до меня.

Поэтому предпочитали доехать на машине или автобусе даже к близко расположенному парку «Замалек». Он был открыт только для советских граждан: сотрудников посольства и торгпредства, компаний типа «Аэрофлот», корреспондентов газет и ТВ и членов их семей.

Главное в парке – это бассейн с голубой водой на открытом воздухе. «Мама, смотри, я ныряю!» – кричал я и опускал лицо в воду бассейна всего на секунду. Плавать я не умел и просто держался на поверхности воды за счет надувных нарукавников. Помимо бассейна в парке еще были кафе, открытая сцена и танцевальная площадка для вечерней дискотеки с бессмертными хитами группы Boney M.

За пределы Каира выбирались совсем редко. Бывали пару раз на Средиземном море в Александрии. Папа побывал без меня и мамы на Красном море в Шарм-эш-Шейхе (он же Шарм-эль-Шейх). Рассказывал, что в 1980 году там был лишь советский военный аэродром и один отель. Привез несколько больших и малых кораллов, срезанных собственноручно. Их долго вываривали в кастрюлях, чтобы не было запаха тухлятины.

Всего однажды наведались к знаменитым египетским пирамидам в Гизе. Я был обескуражен реальными размерами «кубиков», из которых построены египетские пирамиды. На открытках пирамиды выглядели почти лестницей, по которой можно взойти на самую вершину. Я собирался это сде-

лать, но высота «ступенек» оказалась выше меня ростом. Я с трудом смог забраться всего на одну «ступень» с помощью папы. Гордая пирамида фараона осталась непокоренной.

Ночной кошмар*

Однажды посреди ночи я проснулся и вдруг обнаружил, что ни мамы, ни папы дома нет. Их не было ни в спальне, ни в гостиной, ни на кухне – нигде. А за окном ночь. Я плакал навзрыд, ведь такая ситуация никогда раньше не случалась. Ничего подобного не было.

Что мне делать?! Ощущение такое, что меня предали – тайно сбежали из осажденной крепости (ощущение небезопасности улицы и окружающего мира всегда присутствовало и артикулировалось взрослыми). Но, может быть, с ними что-то случилось?

Вышел из квартиры как был, в трусах и босиком. Слезы текут, сопли пузыряются. Спустился по лестнице с четвертого этажа на первый. Там ресепшен, где сидит ночью дежурная женщина из русских (обычно жены работников дежурят по очереди). Она меня стала успокаивать, мол, родители скоро найдутся. Стала звонить кому-то и что-то узнавать. До эпохи мобильных телефонов было еще 20 лет, найти кого-то быстро – не простая задача. Дали мне одеяло. Я сидел на стуле, ждал возвращения родителей. Идти в квартиру и ждать там я отказывался.

Оказалось, папа и мама уехали в ресторан. Их пригласил господин Таки, владелец фирмы, с которой сотрудничал папа. Конечно, я был очень обижен на родителей. «Должны были предупредить меня, что уйдете». Мама была уверена, что я бы их не отпустил.

Помощник киномеханика

Работа киномеханика в кинозале нашего дома торгпредства оказалась относительно простым, но весьма беспокойным делом. Пленка с фильмом могла застрять или порваться в любой момент. И при этом фильм – это не одна бобина с пленкой, а несколько. Киномеханик брал меня в добровольные помощники на время фильмов. Когда демонстрировали мультфильмы, я предпочитал быть зрителем в зале.

Моя роль помощника сводилась в основном к перематыванию пленки просмотренных фрагментов фильма обратно на исходную бобину. Нужно было оперативно освободить бобину-приемник пленки кинопроектора, чтобы подготовить её для приема следующего фрагмента. Это делалось прямо во время показа фильма. Киномеханик переключал показ фильма между двумя кинопроекторами и следил за движением пленки. Пока один кинопроектор показывал, мы другой готовили к показу следующего фрагмента фильма.

Перемотка осуществлялась вручную – нужно было плавно крутить ручку без остановки, иначе после остановки пленка ляжет чуть в сторону и этого будет достаточно, чтобы при следующем показе пленка застряла в кинопроекторе. В ком-

натке киномеханика было жарко и шумно из-за двух кинопроекторов с мощными лампами для показа кино. Требовались терпение и аккуратность в работе.

Даже спустя десятки лет при словах «прокат фильма в кинотеатре» в моей памяти всплывает эта комнатка киномеханика, жар кинопроекторов и запах пленки.

Аромат Пепси и мяса

Аромат мясного рынка Каира крепко врезался мне в память. Стоит мне услышать где-то похожий запах вяленого мяса, образы каирского рынка мгновенно возникают в моем сознании. Вообще, обычно мясо и другие продукты на рынке для нас и других семей торгпредства закупал Мухаммед. Местный араб подрабатывал на доставке заказов с рынков. Мухаммед называл меня «мистер Смолл».

Гораздо вкуснее, да просто обалденным, был запах свежееоткрытой бутылки пепси. Вечером на улице, еще немного душной после дневной жары, папа покупал пепси-колу у продавца с фирменным передвижным ящиком. Продавец доставал стеклянную бутылку из недр ящика, набитого сухим льдом, легким движением открывал крышечку и протягивал прохладную и манящую бутылку мне. Из горлышка бутылки вырывался безумно вкусный освежающий запах, а мой нос приятно атаквали лопающиеся пузырьки. Вот эти первые секунды – самые незабываемые и прекрасные.

Мама, не кури!

Вышел спор, в котором пятилетний малыш отказывал маме в праве курить. Она и не особо-то курила – редко, скорее так, чтобы быть как все взрослые. Тогда курили в квартирах. Пепельница на столике считалась обязательным атрибутом. У нас такая стояла в гостиной комнате на журнальном столике. Мне это категорически не нравилось.

Я требовал, чтобы она не курила. На что она резонно отвечала, что она взрослая и сама будет решать. Последним, но сильным моим аргументом стала моя угроза лишить её родительских прав на меня, если она будет пытаться курить. Сказав это, я ушел от нее... Недалеко. Из гостиной вышел в спальню.

Шрам на лбу

Я врезался лбом в решетку двери, а точнее в ребро решетки. Однажды по примеру других мальчишек я дразнил старших девочек и затем убежал от них. Вот так убегая в очередной раз, вместо открытого проема двери я влетел в саму дверь или её закрытую половину (точно не помню). Было ужасно больно и очень глупо. Шрам остался навсегда.

Жвачка в волосах*

Из-за песчаной бури я и другие дети гуляли не во дворе, как обычно, а маялись бездельем внутри дома: около лестничной клетки на первом этаже.

Один мальчик перегнулся вниз через перила лестницы и сверху дотронулся до моей головы. Оказалось, что он прилепил свою жвачку. Я немедленно отругал обидчика и стал пытаться убрать жвачку. Но это не удавалось сделать, так как жвачка буквально облепила пучок волос. Другие дети тоже не могли помочь. Я раздражался все больше и в итоге вырвал клоч волос вместе с ненавистой жевательной резинкой.

Вечером, когда мама появилась дома, она объяснила мне, что нужно было дождаться ее, она бы просто отрезала ножницами волосы со жвачкой. Волосы потом выросли бы, а вырванные уже не будут расти. Помню свое удивление. Действительно, нужно было просто как-то прожить всего пару часов со жвачкой в волосах.

Любимые машинки

Любимыми игрушками были металлические машинки и пластиковые солдатики: индейцы и ковбои. Коллекцию качественных и, соответственно, недешевых игрушечных машинок пополняли поштучно во время торжественных поездок в специализированный магазинчик.

Миниатюрные копии (с палец длиной) современных BMW, Volvo, Peugeot и других марок были выставлены на стеклянных полочках и крутящихся стендах. Мой выбор новой машинки был мучительным. Меня привлекали функциональные типа эвакуатора, пожарной или кемпинга.

Любимую зеленую BMW я постоянно носил в кармане. Она мне нравилась своими чудесными рессорами и открывающимися дверьми.

Мама регулярно напоминала мне, чтобы я берег машинки, поскольку такие в Союзе не купишь и «ими будут играть еще твои дети», – говорила она. Так и получилось. Сейчас, когда я пишу эти строки 35 лет спустя, я держу несколько машинок в руке. Минуту назад их принес мне младший сын Никита по моей просьбе. Я решил посмотреть фирму-производителя любимых машинок. В основном это Majorette.

В отпуск? Навсегда

Летом 1981 года, спустя два года работы в Египте, папе дали отпуск с возможностью поехать в Москву. К этому времени было накоплено уже много вещей, и поэтому не полетели самолетом, а поплыли на советском теплоходе. Из Александрии в Одессу с заходом в порты Кипра, Сирии, Греции, Болгарии и Турции. Там тоже делались покупки.

Перед поездкой знающие люди предсказывали место на пути следования, где обязательно морская болезнь даст о себе знать. Мы плыли и надеялись «проскочить». Но предсказание сбылось. Из Одессы в Москву добирались на поезде.

Мы ехали в отпуск, но из-за обострения ситуации в Египте остались насовсем. Политическая нестабильность в Египте и ухудшение отношения к русским постепенно нарастали после ввода советских войск в Афганистан в конце 1979 года. Посольские в Каире даже готовились к осаде.

В октябре 1981 года на военном параде был убит президент Египта. Папа после этого еще ездил в Египет и дорабатывал положенный срок. Обычно советских граждан отправляли на работу за границу на три года, а мы с мамой пробы-

ли там ровно два года.

Пижон на тачке

В Москве летом 1981 года тачки на четырех подшипниках были на пике популярности. Каждый мальчик хотел и должен был иметь такую.

Тачка представляла собой самодельную деревянную конструкцию. Сложнее всего было достать подшипники. Поэто-

му иногда подшипники были разного диаметра, что не добавляло устойчивости конструкции, особенно на поворотах. Один мальчик садился на тачку и брался за рулевую палку, а другой толкал его в спину. Так, с жутким лязгом дети носились по двору.

У меня тоже появилась тачка. Проблема была в том, что при падении с тачки страдали колени. В моем случае рвались джинсы. Они были для меня привычной повседневной одеждой, в то время как для остальных джинсы являлись предметом праздничного гардероба, дефицитом, который стоило беречь.

Я получил прозвище «пижон» за езду в джинсах на тачке и вообще гуляние в них. Прозвище, правда, продержалось недолго – мне купили штаны как у всех. Мода на тачки тоже быстро прошла.

Папа купил автомобиль

Вот просто так взять и купить машину в СССР?! Дело просто неслыханное. Сначала найди очередь, где записаться на автомобиль, докажи товарищам, что ты достоин быть записан в очередь, подожди несколько лет, при этом следи, чтобы тебя из очереди не отчислили, и вот, может, тогда представится возможность купить... правда, не ту марку авто, какую ты хотел, а ту, которая достанется. И да, конечно, надо суметь еще накопить 4—5 тысяч рублей на «жигули» или «москвич» при зарплате инженера 140—180 рублей в месяц. «Волга» полагалась только выдающимся деятелям.

Папа купил машину без очереди за чеки Внешпосылторга. «Жигули» новой модели ВАЗ-2105 цвета охры золотистой (темно-желтый), экспортный вариант. Советские граждане меняли заработанную за рубежом валюту на чеки (по сути, наличную валюту в Союзе). В специальных магазинах Внешпосылторга «Березка» иностранцы за валюту, а советские граждане за чеки, могли приобрести дефицитные товары зарубежного и отечественного производства.

Нелегальные менялы готовы были покупать за рубли чеки у заграничников по курсу один к двум или даже один к трем. Таким образом, по маминим прикидкам получалось, что папа купил машину в два или даже три раза дороже её стоимости в рублях (цены на машины в чеках и рублях были одинаковые). Но продавать чеки менялам было запрещено, и поэтому папа не осмеливался менять на рубли даже часть оставшихся чеков.

Машина – не моя мечта

Машина – это была папина мечта, и он осуществил её при самой первой возможности. Папа заботился о машине и переживал. Купил он её осенью 1981 года, а сам уехал дорабатывать год в Египет.

Машину оставил на платной стоянке (гаража не было) в Олимпийской Деревне и писал нам письма, чтобы мы с мамой обслуживали её и делали профилактические работы. Например, такие, как поставить машину на деревянные столбики, чтобы сберечь колеса, регулярно подкачивать колеса, заводить и прогревать двигатель, что-то делать с аккумулятором и прочее. При этом машина была накрыта брезентом, а дело было зимой – поднять мерзлый тяжелый брезент – уже дело не легкое.

В общем, обслуживание машины меня не вдохновляло. Конечно, ездить на машине было удобно и иметь её престижно. Например, в нашем доме из 80 квартир своя машина была только у трех семей. Все 28 (!) лет владения этой машиной папа продолжал так же фанатично заботиться о ней: ремонтировать самостоятельно и на сервисах, мыть, таскать аккумулятор домой для подзарядки, чистить снег вокруг нее и прочее. Но зато машина послужила нам изрядно.

Папины родители

Дедушка Вася и бабушка Дуня жили в подмосковном городе Пушкино. В необычном доме. Это был многоквартирный двухэтажный деревянный дом. Они жили на втором этаже. Был свой небольшой участок земли с садом и сарай. А вокруг дома пятиэтажки. Смотрелось странно. Такая сельская жизнь посреди города. В квартире не было горячей воды. А комната-кухня была отделена от комнат коридором в соседнюю квартиру.

Папа привозил меня к ним несколько раз в 1982 году. Мне было шесть лет. Дедушка строгий, но всегда припасал бутылочку газировки порадовать меня. Бабушка добрая, невысокая и неразговорчивая. Дедушка что-то спрашивал у меня, а я стеснялся. Однажды за обедом я умудрился запихнуть сосиску целиком в рот. Удивился, что она там вся поместилась.

Папа рассказывал, что дедушка – пенсионер республиканского значения, уважаемый человек, ведь он принимал участие в революции 1917 года в Казани. Дедушка в юности работал в Казани на пороховом заводе. А потом, после революции, получил высшее образование в Ленинграде.

Квартирный вопрос*

Папа, мама и я спали в 13-метровой комнате трехкомнатной квартиры пятиэтажного дома в Москве в районе Очаково. В этой же квартире во второй спальне проживала сестра мамы Любовь с сыном Костей. А в гостиной спал мой дед Вася, отец мамы и Любы. Его жена, мать сестер и, соответственно, моя бабушка, умерла задолго до моего рождения.

42,7 квадратных метра жилой площади на шесть человек. Было тесно, особенно на пятиметровой кухне, и утром – очередь в ванную. Мама часто ругалась с тетей Любой. Папа был бесправным в бытовых спорах с ней, так как не был прописан в квартире. Он был прописан в квартире в Пушкино у своих родителей.

Мама мечтала об отдельной квартире. Встать в очередь на получение квартиры от государства не позволял норматив. В существующем жилье должно было быть меньше 6 кв. м на человека, чтобы записали в очередь. У нас выходило больше.

Купить (кооперативную) квартиру дорого и сложно, но теоретически возможно. Но там тоже был какой-то норматив, к тому же папа прописан в Подмосковье, и значит,

купить в Москве не получалось. Тетя Люба была категорически против того, чтобы прописать папу к нам в квартиру. Рынка аренды квартир не существовало вообще.

Мама надеялась как-то разменять квартиру на отдельные. Но разменять эту «трешку» можно было максимум на две «однушки», что формально ухудшало условия проживания и метраж на человека – обмен могли бы просто не разрешить. Более реалистичным казался маме вариант повторного замужества Любы с её последующим переездом к мужу. Мама как могла способствовала младшей сестре в этом.

Персонажи нашей квартиры*

Тетя Люба была в разводе с отцом Кости. Характер Любы, мягко говоря, не подарок. Постоянные наставления и упреки всем окружающим по любым поводам и без них. Напористая и пробивная. Работала она в военной организации, хотя и гражданская. Хвасталась, как «выбила» или вытребовала что-то в очередной раз у полковника или майора на работе. Дома ходила постоянно с перевязанной тряпкой головой и жаловалась на мигрень. Хорошо умела шить: кроила и строчила на швейной машинке с ножным приводом (самое «крутое» устройство у нас в квартире). Шила платья себе и на заказ за деньги. Выкройки брала из журнала Burda. С тетей Любой я часто спорил и ругался, хотя мама и запрещала мне отвечать на её провокации.

Костя – мой двоюродный брат, сын Любы. Люба мечтала, чтобы Костя занимался балетом, но он не продержался и года в балетной школе. А вот балетная походка у него осталась на всю жизнь. Костя старше меня на шесть с половиной лет. Мне было семь, а ему уже тринадцать с половиной. Костин талант оказался в другом: неистощимый кладезь технических решений. Он сам придумывал идеи и сам воплощал. Золотые руки. В ход шли все подручные материалы.

Например, однажды Костя слепил из пластилина десятки очень правдоподобных маленьких солдатиков, снабдил их ружьями из спичек, потом к иглам примотал нитками поролон – они стали снарядами духового ружья (трубки) для стрельбы по солдатикам. И начиналась игра – невиданная баталия с подключением бронетехники (игрушечный танк на батарейках), авиации и прочего. Я был в восторге. Костя для меня был то волшебником, то мучителем.

Дедушка Вася гнал самогон, играл на бегах и частенько использовал матерные слова.

Целыми днями дед сидел за столом и гадал на картах. У него было много колод карт в разных стилях. Играть ими никому не позволял. С его слов, не все колоды были одинаково способны в предсказаниях. Перед ним лежала программка бегов на предстоящие выходные. Он раскладывал карты и делал пометки в брошюрке по каждому забегу. Пометки непонятные, карандашами разных цветов. Иногда он звонил кому-то и обсуждал лошадь или наездника.

Никого из домашних он в это дело не посвящал и с собой не брал на ипподром. Ездил на бега по субботам и делал там небольшие ставки. Иногда что-то выигрывал. На вопрос, зачем же он с больными ногами столько сил тратит на дорогу (ездил, конечно, общественным транспортом), он отвечал: «А что я? Вот там на бега ездит дед, ему 85, так он еще и по воскресеньям приезжает!»

Самогон дед гнал редко, но, как он утверждал, качественно. В доказательство качества поджигал образец бесцветной жидкости в блюдце и радовался синим языкам пламени. Самогонный аппарат всегда хранил в сильно разобранном состоянии. Части в разных местах квартиры, так как опасался. Ведь самогонование считалось нелегальной деятельностью.

стью. Самогон сам употреблял редко. Угощал гостей и заготавливал для деревни. Летом в деревне водка и самогон были лучшей валютой для расчетов за услуги местных.

Еще дед любил чаевничать. Подолгу давал кипеть воде в чайнике на газовой плите. Уже туман стоит на кухне, а дед настаивает: пусть еще немного покипит. Пил чай из стеклянного стакана в металлическом подстаканнике и обязательно с лимоном. Любимый подстаканник был со Спасской башней. А после обеда днем дед Вася спал на диване, накрыв лицо газетой.

Тише! Соседи подслушивают

В нашей пятиэтажке жили в основном семьи военных министерства обороны. Дед Вася когда-то работал в министерстве снабженцем, но не был военным. В советское время снабженец доставал дефицитные товары. Дед напрямую подчинялся генералу, у которого и выпросил трехкомнатную квартиру, в которой мы сейчас жили. «Трешек» в доме было мало, и, по его словам, многие полковники и подполковники возненавидели за это деда. Мол, не по статусу этому гражданскому тут жить.

Архаровы, военные в двух поколениях, служили подтверждением тому. Они занимали сразу две квартиры, 55-ю и 57-ю. Мы жили в 56-й, то есть между ними. Они часто ходили из квартиры в квартиру мимо нашей двери. Мама утверждала, что Архаровы подслушивают нас. Когда у нас в квартире начинался крик с тетей Любой, мама просила: «Тише, нас подслушивают!» И указывала пальцем на общую с соседями стену. «Да и пусть подслушивают!» – в запале кричал я. Мама мне тихо объясняла: «Так ведь они радуются, что мы ссоримся». Лично я никакого негатива от Архаровых не ощущал.

В 55-й однокомнатной квартире жили дед и бабка,

а в двухкомнатной 57-й молодая семья Архаровых с сыном Володей. Володя по прозвищу Буратино – мой ровесник. С ним мне не всегда удавалось найти контакт. Он не ходил в нашу школу, а учился в школе Олимпийской Деревни с углубленным изучением английского, где преподавала язык его мать. Во дворе он гулял редко, но я пытался вовлечь его играть в футбол. У Володи была старшая сестра, известная крупным телосложением и тем, что её укусила лошадь – сестра занималась конным спортом.

Володя во время редких прогулок во дворе постоянно умничал. Например, он утверждал, что скоро серебро станет дороже золота. Долго и нудно пересказывал какие-то статьи. За это его не любили дети. Пару раз ему доставалось, но не сильно, в основном снежками. Однажды Архаровы пришли жаловаться на меня за такое преступление. Я угодил Володе снежком в лицо.

Тихими летними вечерами молодые Архаровы всей семьей выходили во двор играть в бадминтон. В этом было что-то аристократическое в их исполнении. Я часто присоединялся к ним, ведь никто больше не играл у нас во дворе в бадминтон.

Хотя бывали экзотические игры. Несколько мужчин играли в городки и даже в лапту, но вместо мяча была четырех-

гранная деревяшка. Они казались пришельцами из прошлого. Но они играли на полном серьезе.

Глава 2. Начальная школа

Первая учительница

Первая моя школьная учительница запомнилась ритуалом. Раиса Георгиевна была женщина пожилая, невысокая, полная и, очевидно, нездоровая. Минут за десять до окончания второго урока в нашу классную комнату приносили завтрак: стакан теплого какао, вареная сосиска и кусок белого хлеба.

Учительница, не дожидаясь перемены, брала граненый стакан с какао и затем медленно и непрерывно пила из него, замерев в неподвижной позе, выпучив большие глаза и смотря куда-то вдаль поверх голов учеников. Так она стояла с минуту, продолжая пить и глядя в одну точку. Все дети в полной тишине, не отводя глаз, смотрели на нее. Было в этом ритуале что-то энергетически таинственное.

Раиса Георгиевна не доработала с нашим классом даже до конца второго учебного года по причине ухудшения здоровья. Почему-то именно меня выбрали отнести ей домой поздравительную открытку на 8 марта (или это были майские праздники?). В открытке было пожелание сибирского здоровья. Я удивился такому выражению.

Жила она в доме рядом со школой. Дома я Раису Георги-

евну не застал и потому просто положил открытку в её почтовый ящик. В школе взрослые удивились, что её не оказалось дома. Больше эту учительницу я никогда не видел.

Первый «В» – в квас

Другая история с Анной Михайловной. Наша учительница на продленке. Мама устроилась на работу, и потому я стал ходить в группу продленного дня с первого класса. На продленке было много ребят и девчонок. Анну Михайловну любили все, и я в том числе. Очень приятная, интеллигентная и терпеливая женщина преклонного возраста гуляла с нами, помогала делать уроки, мирила поссорившихся, рассказывала истории и возила на экскурсии. Анна Михайловна частенько использовала немецкие слова, особенно для приветствия и прощания.

Как-то раз сидим в классной комнате. Анна Михайловна рассказывает нам, что в случае начала войны (с Америкой, например) нас известят громким воем сирен и за нами приедут автобусы, чтобы отвезти в безопасное укрытие. Как только она это сказала, тут же раздались громкие звуки сирен за окнами. Мы обмерли. Неужели война? Оказалось, свадьба – кортеж машин издавал протяжные гудки клаксонов.

Помню, водила она нас показать воронку в конце Озерной улицы, оставшуюся после взрыва бомбы во время Второй мировой войны. Было необычайно интересно. Все мы расстроились, узнав о переезде Анны Михайловны в другой

район города – её барачный дом возле станции Очаково сносили.

Обычно на продленке мы гуляли рядом со школой, и когда приходило время возвращаться в класс, я и другие ребята иногда в шутку кричали гуляющим: «Первый „В“ – в квас!» («квас» вместо «класса»). После прогулки мы делали уроки в классе, а потом играли в настольные игры. Уйти домой раньше 18:00 было нельзя. Но я мог уйти раньше по своему усмотрению, так как у меня было письмо – доверенность от мамы на принятие такого решения. Анна Михайловна не возражала и отпускала меня. У остальных ребят такого не было.

Счетные палочки*

На первой неделе учебы выяснилось, что у каждого ученика должны быть счетные палочки. У меня их не было. Всю субботу с родителями на машине объезжали магазин за магазином. Все тщетно. Я рыдал в машине, представляя свою ущербность без палочек на уроках. Выручил сосед Вадик с 5-го этажа. Он был уже во втором классе и подарил свои палочки.

Однажды Вадик насмешил меня, сказав, что у них дома черно-белый телевизор. «Это как?» – удивился я. И, давась от смеха, я уточнил: «А елки на таком телевизоре какого цвета? Черные или белые?» Дома-то у нас был цветной телевизор «Радуга», я других и не видел.

Другой раз Вадик понес глупость про то, что я прилипну языком к трубе. Дело было зимой около нашего подъезда. Я ткнул языком водосточную трубу и... не прилип. Вадик настоял на повторении эксперимента, но лизать трубу надо было медленно. Мы оба прилипли к трубе. Одновременно.

Главарь Череп*

Самый мелкий и внешне тщедушный мальчик в нашем классе Дима Черепнин по прозвищу Череп зарекомендовал себя как главарь мальчиков. На продленке Дима постоянно придумывал разные игры: в шпионов, в разведчиков, организовывали штабы и сочиняли пароли, рисовали удостоверения и многое другое. Было интересно. Фантазия Димы не иссякала.

Однажды ребята из соседнего класса стали мешать нам играть, и тогда Дима проявил себя еще как военачальник. Дима придумал для обидчиков западню на ледяной горке. План был успешно реализован, интервенты побеждены и унижены, и это при том, что в физическом плане обидчики немного превосходили нас.

Я считал себя вторым после Черепа в иерархии мальчиков нашей группы. Третьим был Макарона (Макаренко). Я и Макарона помогали Черепу придумывать и воплощать затеи. Случилось так, что я разошелся во мнении с Черепом в каком-то деле. Серьезно разругались. Макарона поддержал меня. Я был уверен, что ребята тоже пойдут за мной. Но нет, не пошли, а Макарона предал меня уже через несколько часов. Два или три дня я был в опале, избегал ребят из-за ре-

альной угрозы быть побитым. Я считал, что все сделал правильно, но почему-то ребята не пошли за мной. Вот тогда первый раз закралось у меня подозрение, что мне как лидеру чего-то не хватает. Примирился с Черепом.

Прыжки в резиночку

Дима Черепнин с родителями переехал в другой район после первого класса. Без него я больше сдружился с девочками из класса. На продленке мы вместе играли в казаки-разбойники, прыгали в резиночку и скакали в классики. В резиночку у меня хорошо получалось, даже лучше, чем у некоторых девочек. Помню, я иногда специально поддавался. У нас образовалась компания: три мальчика и три девочки. Знали, кто где живет, так как иногда заходили что-то взять из дома или просто попить воды во время прогулки на продленке – территория школы не была огорожена, и потому мы ходили куда хотели. Делились секретами устройства тела наглядно: в чем разница между мальчиками и девочками.

Я – спринтер

Оказалось, что я быстрее других бегаю на короткие дистанции. На физкультуре в забеге на 60 метров я показал хороший результат. Потом, бегая с ребятами наперегонки, я оказывался первым, хотя никак не тренировался и вообще не думал об этом. Поверив в себя, я собирался так же легко выиграть соревнования по бегу, которые школа проводила в Олимпийской Деревне. Дистанция была более 1000 метров. Я сильно отстал от лидеров, потому что быстро выдохся.

Мои способности к бегу оказались ограничены лишь короткой дистанцией. Позже выяснилось, что длинные дистанции я вообще с большим трудом преодолеваю – хотя бы добежать до финиша. Однажды на уроке физкультуры во время бега вокруг Очаковского пруда я потерял сознание на секундочку и упал, разодрал коленку, но встал и побежал дальше.

Тридцать пять лет спустя я узнал, что у меня имеется генетическая предрасположенность к бегу на короткие дистанции, игре в футбол и гребле на каноэ.

Первая оценка*

По русскому языку. И хотя это была условная оценка, я пережил шок. «У меня тройка... Не может такого быть...» Мне казалось, тройки могут быть у кого угодно, но только не у меня. Я решил прилагать больше усилий и стал «хорошистом», то есть учился без троек в четвертях, на пятерки и четверки. Но с письменным русским всегда была проблема – много грамматических ошибок.

Обычным делом для меня в классах постарше было получить за сочинение оценку 5/3 или даже 5/3—. Пять за содержание и три с минусом за грамотность. В среднем четыре.

«Школа дураков»

«Школой дураков», или сокращенно ШД, дети называли специальную (коррекционную) школу №571, находящуюся в нашем районе Очаково.

В ходу было много глупых шуток про нее. Один мальчик мог презрительно бросить другому: «Ты что, из ШД?»

В нашем классе учился мальчик Дима Устинов. Скоро выяснилось – он странный. Например, встает без разрешения с места во время урока. Но благодаря ему мы полюбили писать изложение. Точнее слушать результаты написания изложения на следующий день. Мы покатывались со смеха, когда учительница зачитывала изложение, написанное Устиновым. Нелогично, несвязно и парадоксально писал он. Это было невероятно смешно.

Чужие изложения она зачитывала отрывками. Его изложения были хитом от начала и до конца. После второго года в первом классе Диму перевели в ШД.

Школа искусств*

С первого класса я стал ходить еще и на занятия в школу искусств. Это была мамина идея. Она натренировала меня рисовать деревенский домик с трубой и дорогой, уходящей вдаль (перспектива). Я точно воспроизвел картинку на вступительном тесте. Меня приняли в школу искусств на отделение изобразительного искусства. Она находилась на последнем, пятом, этаже нашей школы.

На занятиях было много интересного и познавательного. Мы рисовали в разных техниках, использовали мольберты, лепили из папье-маше. Получалось у меня средне. Со всем не получалось у меня на музыкальных занятиях. Сольфеджио было мучением и бесконечным унижением. Я возмущался, что эта чертова музыкальная грамота не имеет отношения к изобразительному направлению, но музыка была частью обязательных занятий для всех учащихся в школе искусств.

Я хотел уйти из школы искусств из-за музыкалки. Мама меня уговаривала остаться и потерпеть. Она объясняла, что, став художником, я смогу заниматься оформлением выставок и витрин, а значит, ездить и за границу. Я отучился первый год и бросил на второй, когда добавилась пробле-

ма со временем в обычной школе, стало больше уроков – я не успевал обедать перед занятиями и оставался голодным весь день.

Пианино у нас дома, купленное еще для «балеруна» Кости, не пригодилось и мне. Тетя Люба продала его. Было интересно посмотреть, как грузчики выносят тяжелое пианино на специальных ремнях с четвертого этажа пешком.

Настольный теннис дома

С исчезновением пианино добавилось место в большой комнате, служившей спальней дедушке. Брат Костя придумал играть в настольный теннис, разложив обеденный стол для гостей прямо в комнате. Он ставил сетку, а вот ракеток нормальных долго не было. Мы объездили и обзвонили много спортивных магазинов, но безрезультатно. Желанными были китайские мягкие ракетки. В итоге я научился неплохо играть в пинг-понг.

Слуховой аппарат

Дед Вася был глуховат, поэтому включал телевизор на полную громкость и прикладывал ладонь к уху, когда с ним говорили.

Дедушка не слышал дверной звонок и даже стук в дверь. Пару раз я забывал взять ключи, уходя в школу, и потом не мог попасть домой, хотя там был дед. Он не слышал звонка и моих отчаянных ударов ногами в хилую деревянную дверь. Я спускался с четвертого этажа, шел к ближайшему уличному телефону (таксофону) и звонил домой. Дед слышал, потому что в квартире был специальный телефонный аппарат для слабослышащих.

Еще у деда Васи имелся слуховой электронный аппарат, вмонтированный в очки, но носил он его только по «праздникам», так как аккумуляторы садились очень быстро и аппарат утомлял, давая массу лишних шумов вместо голосов.

Пионерлагерь «Березка»

В июне 1983 года после первого класса меня отправили в пионерский лагерь. Путевка от маминой работы – электрозавода. Лагерь был полностью деревянным и очень старым. Каким-то серым и беспросветным.

Комната мальчиков моего отряда представляла собой длинный узкий коридор с 10—12 железными кроватями в ряд. Первый раз в жизни я увидел туалет без унитаза и даже кабинок или хотя бы перегородок. Неприятный туалет в школе без сидений, дверей и туалетной бумаги показался теперь мне прекрасным местом.

Лагерный туалет представлял собой огромную выгребную яму и несколько длинных половых досок сверху. Там жутко пахло и было опасно, так как доски ходили ходуном, когда туалетом пользовались сразу несколько человек. Ни о какой приватности речь не шла. Главное было – не запачкаться, так как некоторые дети оставляли следы жизнедеятельности прямо на половых досках, боясь ближе пододвинуться к краю. Не удивительно, что многие предпочитали справлять нужду не в туалете, а в кустах, или даже уходить в лес через дыру в заборе лагеря – хорошо, что было лето, хоть и дождливое.

Позабавила меня игра в футбол «по зонам». Вожатый строго сообщил: должна быть четкая расстановка игроков на поле. Мне досталась роль правого полузащитника, то есть справа в середине поля. Я уже немного понимал в футболе, как мне казалось. Папа научил меня бить мяч подъемом, щечкой ступни и даже «шведкой». Но это не пригодилось. Семи-восьмилетние дети играли на большом футбольном поле.

Минут 20 игра проходила у одних ворот. Мяч не покидал штрафную площадь. По сути, играли четыре-пять человек из 22, находящихся на поле, так как остальным было велено не покидать своей зоны ответственности. Вот так я и еще 16 человек стояли без дела в надежде, что когда-нибудь мяч окажется и в нашей зоне. Если вдруг кто-то из ребят не выдерживал и покидал свою зону, вожатый несгибаемой волей и криком возвращал слабака на место. Не знаю, чем бы мог закончиться этот матч, но пошел сильный дождь, и игра была завершена досрочно.

Однажды я проснулся под звуки горна, требующего встать и пойти на зарядку под дождик. Все было как обычно, но в то утро на лице своем я обнаружил немного зубной пасты. Сразу вспомнил рассказы о том, что дети рисуют пастой на лицах спящих, например, усы и брови. Это должно позабавить

других, ведь «соня» проспал издевательство над собой. Я, видимо, ворочался во сне и размазал пасту по лицу. Не стал поднимать крик – быстро вытер лицо полотенцем и перевернул подушку со следами пасты. Авторы художества вскоре нашлись, так как только они и пытались разглядеть пасту на моем лице. Кстати, в то время паста была редкостью, я использовал зубной порошок.

Папа и мама приезжали навестить меня в лагере. Я, конечно, умолял забрать меня из этой «тюрьмы». Но не получил досрочного освобождения. «Отмотал» весь «срок» – месяц.

Письмо маме

Несколько дней передохнув дома в Москве, я получил новый «срок». Теперь путевку в другой лагерь достала тетя Люба на своей работе. Этот лагерь был современнее и лучше в организации быта, а вожатые более участливы. С подачи вожатой я написал письмо домой. Знаменитое в нашей семье письмо сохранилось до сих пор. «Ты, мама, красивая, умная, УМНЕЕ всех, кроме Ленина».

Мне и девочке из моего отряда досталась почетная роль – поездка на микроавтобусе «рафик» к местному памятнику героям войны для возложения цветов. Оказалось, что это был предлог – основная задача для взрослых состояла в покупке водки в местном магазине сельпо. Там была длинная очередь, и поэтому пришлось долго ждать в душной машине. Я смотрел из окна на очередь перед входом в магазин и думал, что Ленин, наверное, такое не одобрил бы.

В этом лагере пригодилось умение играть в настольный теннис. За счет побед я пользовался уважением мальчиков. Жаль, что теннисных шариков быстро не стало. Вожатая объяснила, что нам еще повезло. Почти весь запас шариков дети потоптали и потеряли еще в первую смену. Мы были во вторую смену в июле, так что третьей смене теперь вооб-

ще шариков не осталось.

Ах, Одесса!

После двух месяцев лагерей мне наконец-то повезло. Папа раздобыл путевку в дом отдыха у Черного моря под Одессой. В августе 1983 года я, папа, мама и Костя полетели на самолете в Одессу.

Утро дня вылета не задалось. Найти такси оказалось невозможно, несмотря на массу усилий, и мы поехали в Шереметьево на частнике. Вскоре наши «жигули» остановил гаишник. Водитель сказал: «Я Миша», – и вышел из машины навстречу инспектору. Папа пояснил: если гаишник спросит нас, то мы скажем, что это наш знакомый Миша. Это для того, чтобы подтвердить: везет он нас по дружбе, а не за деньги. Это было вранье, но мы оказались поставлены в такую ситуацию необходимостью успеть на самолет, а доехать на законном такси возможности не представилось. В аэропорту Одессы ситуация с такси оказалась не лучше, но мы уже не спешили и потому, как полагается сознательному советскому человеку, с мучениями доехали на переполненном общественном автобусе в адской жаре.

У нас был свой однокомнатный домик среди множества других на территории здравницы. Имелась столовая, а по вечерам играла музыка на танцевальной площадке. Мегахитом

была песня «Ах, Одесса, жемчужина у моря...». Само море оказалось почему-то холодным. Зато я научился играть в карты на пляже. Через несколько дней море потеплело, а у его кромки появилось очень много полосатых насекомых. Это были тысячи тысяч колорадских жуков. Папа предположил, что это происки американцев, специально доставляющих жучков в СССР для порчи урожая.

Дефицитом оказалась туалетная бумага. Ни в магазинах, ни на рынке она не продавалась. Была приобретена бумага в пачке в канцелярском магазине. Неудачный «слепой» выбор: бумага оказалась почти атласная, хотя и удобно нарезанная. Её листы потом еще несколько лет пылились дома в Москве. Туалетную бумагу удалось-таки раздобыть через пару дней.

Лиманы манили к себе по вечерам. Было красиво, мы пытались ловить там рыбу. Костя придумал сделать сачок для ловли из маминого платья. В нем сделали дырки – прожигали папиными сигаретами. В целом отдых мне понравился и запомнился. Особенно песня «Ах, Одесса»...

Квартирный вопрос 2

В конце августа 1983 года умерла бабушка Дуня, папина мама. Годом раньше умер его папа. Моему папе в наследство досталась квартира в Пушкино. Но претендовал на нее не он один, ведь у папы еще родные старшие сестра и брат. Сестра претендовала на квартиру, хотя оснований не имела, так как была прописана в другой квартире, но потрепала нервы изрядно, меняя замки в бабушкиной квартире на свои. Даже вызывали милицию. Больше всех переживала из-за конфликтов моя мама. А Люба усилила давление с целью выдать нас жить в эту квартиру. Стало еще больше скандалов дома.

Мечтали обменять эту пушкинскую квартиру плюс московскую на две отдельные в Москве, чтобы разъехаться с Любой. Но желающих переехать из Москвы в деревянный барак в Пушкино не находилось. Продать квартиру за деньги по тем законам было просто нельзя. Если не нужна, то отдай государству – и все.

Тайная, но теперь мне понятная надежда мамы на повторный брак Любы и её переезд к гипотетическому мужу продолжала быть одним из вариантов. Видимо, мама даже рассматривала вариант «усыновления» Кости, чтобы осво-

бодить Любу от него и тем самым увеличить её шансы на замужество. Не случайно Костя поехал с нами в отпуск в Одессу, ведь папа-то мой был против такого «довеска».

«Стальной зажим»*

Стычки между мальчиками периодически случались. В младших классах я наловчился бороться, применяя «стальной зажим». Стремился в борьбе обхватить соперника левой рукой вокруг шеи и затем правой притянуть свою левую к себе вместе с его головой. Таким образом получался крепкий захват головы противника, и я наваливался на него всем телом и прижимал к полу. Обычно после этого мне оставалось недолго потерпеть его отчаянные попытки вырваться, но я сдавливал зажим еще сильнее, и соперник капитулировал.

При этом, конечно, я старался избегать схваток с противником заметно крупнее меня физически. Таких в моем классе было двое. Они боролись между собой. Их соперничество продолжалось, пока однажды после летних каникул не выяснилось, что один из них сильно вырос за лето, а другой нет.

Турник

В квартире у нас был самодельный турник в прихожей. Его повесил дед для Кости. Поначалу он мне не понравился, так как подтянуться не получалось, да и допрыгнуть с пола было невозможно – мне приходилось приносить-уносить стул. Но постепенно я втянулся, особенно когда придумал допрыгивать до турника со стоявшей на полу книжной полки, игравшей роль скамейки вдоль стены прихожей.

Я разбегался из комнаты и, оттолкнувшись от скамьи ногой, еле-еле долетал до турника, хватаясь одной рукой. Меня ругали за такое, поскольку страдала эта самая полка-скамья и рядом опасно висело большое ростовое зеркало. Со временем из-за прыжков крепеж турника разболтался. Но зато уже в третьем классе я мог подтянуться 10 раз или даже 15, если делать это быстро и помогать себе телом.

Сахар и соль

Я положил в кипящую воду пельмени и добавил соли, как и сказала мама. Обычно мама оставляла обед. Но не сегодня. Сегодня был мой дебют в качестве повара. Все шло неплохо, пока я не подумал, а не сыпанул ли я немного лишней соли в кастрюлю. Решение пришло сразу. Лишнюю соль надо компенсировать её противоположностью – сахаром. Я добавил сахарного песка. «Вот теперь хорошо сбалансировано», – подумал я. Потом поразмыслил еще и добавил соли... Пельмени получились почему-то не такие, как у мамы. Половину я все же съел.

Хлеб за валюту

В мои домашние обязанности входила покупка хлеба. В магазине и булочной пару раз мне на сдачу давали монеты, очень похожие на советские копейки, но это были не они. Оказалось, болгарские стотинки. Размер и достоинство монет такие же, только шрифт немного другой. «Раз кассирша дает ими сдачу, значит, так можно», – подумал я.

Свежевыпеченный хлеб привозили в булочную к 17.00. Я собирался идти как обычно, но выяснилось, что в шкатулке, где родители оставляли мне деньги, ничего нет. И в копилке – арабском кувшине – денег слишком мало. Тогда я вспомнил про болгарские стотинки. Их как раз было две монеты по 20 стотинок – как наши 20 копеек. Ровно на два батона белого хлеба по 20 копеек каждый. Очередь в кассу дошла до меня.

Кассирша отказалась принимать иностранные монеты. Я возражал, указывая на то, что мне тут же их и сдавали на сдачу. Кассирша предлагала заплатить советскими деньгами. Очередь позади меня напирала. Я ушел ни с чем.

Какой-то мужчина из очереди догнал меня уже у выхода и предложил обменять стотинки на копейки – ровно

40 на 40, как мне и надо было. Но я отказался, испугавшись, ведь менять валюту с рук на руки гражданам нельзя. И пошел домой без хлеба.

Велосипед с «прокрутами»

Велосипед я очень полюбил. Правда, я не столько катался, сколько гулял с ним. Мы болтали, сидя на велосипедах, играли в велофутбол, ездили за хлебом – от дома я далеко не уезжал. «Повезло» – купили мне новый велосипед, неизвестную новую модель «Школьник». У других ребят были старые, проверенные временем «Кама», «Аист» и «Орленок». Велосипед оказался оптимального размера и относительно легкий, что немаловажно для живущего на четвертом этаже без лифта.

Через месяц начались «прокруты». Крутишь педали, а велосипед не едет – стоит на месте. Сначала было пол-оборота – и велосипед стартовал. Потом полный оборот, два, три и более. Кататься стало невозможно. Пытались много раз починить, меняли запчасти, но проблема быстро возвращалась опять.

Через два летних сезона мучений решили купить новый велосипед. А в магазинах только «Школьник». Помыкался я, помыкался, лето-то идет, и уговорил папу купить опять «Школьник» в надежде, что мне просто с предыдущим не повезло. Но нет, через месяц такая же история с «прокрутами». Потом узнал: и у знакомых аналогично. Какой-то конструктивный недостаток или низкое качество деталей. Зато в магазинах «Школьник» в наличии, а других нет.

Телевизор

Я полюбил смотреть телевизор, хотя было всего два канала и в будни в дневное время ничего не показывали. В дни школьных каникул я заранее смотрел в телепрограмме время показа мультфильмов и детских фильмов, чтобы выбрать время прогулки на улице. Все дети поступали так же. Смотрели все, что показывали. Любимыми мультфильмами были «Приключения Врунгеля» и «Ну, погоди!». Ради мультфильма смотрел ежедневную передачу «Спокойной ночи, малыши!».

Когда ломался цветной телевизор, доставали старый черно-белый. На нем посмотрел первый раз фильм «Не бойся, я с тобой». Очень понравились сцены с карате. Обожал также комедии Гайдая и Рязанова.

Дед любил смотреть все политические программы: новости, «Международную панораму» и «Время». После программы «Время», в 21:30, начинали показывать художественный фильм. Мне хотелось приключенческий или детектив. Желательно было увидеть в начале в титрах, что в фильме снимались каскадеры, это был хороший знак интересного фильма.

Потом появился Горбачев. И стал часто выступать. В программе «Время» демонстрировали его выступления целиком, и показ фильма сдвигался на неопределенное время – на час-полтора-два. А мне разрешали смотреть телевизор до десяти вечера. Хитростями с походом в туалет можно было еще немного продлить себе просмотр фильма. Но Горбачев лишал меня фильма совсем.

Квартирный вопрос 3

Мама постоянно продолжала заниматься обменом квартиры. Точнее, пыталась найти готовых обменяться. Ездил с работы в Пушкино показывать квартиру редким желающим посмотреть. Даже самым бесперспективным. Желающих жить там не было. Папа с мамой решили сделать там косметический ремонт, чтобы повысить привлекательность квартиры. Правду сказать, никто её как постоянное жильё из москвичей не рассматривал, только как вариант дачи с участком.

Делали ремонт сами. Доставали краску, обои, инструменты. Учились пользоваться пульверизатором, советовались со знакомыми. Ремонт делали по выходным. Брали меня с собой. Пользы от меня было мало. Там, в пустой квартире, я скучал. Отдушиной было то, что папа жарил шашлыки на мангале в саду даже зимой. Правда, редко, все силы отнимал ремонт.

Военная истерия*

В квартире в Пушкино не было телевизора, только радио. Государственный радиоканал передавал новости с утра и до ночи. Однажды в субботу радио стало истерично нагнетать обстановку. Был момент обострения отношений с США в 1984 году. Рейган запустил программу СОИ (Стратегическая оборонная инициатива), которая подразумевала установление господства США в космосе и тем самым военного превосходства над СССР.

Новости повторялись каждые 15 минут и становились все страшнее и страшнее: американцы уже развернули свои ракеты в Европе, в космос что-то запустили, хотят опередить нас и атаковать первыми, Советский Союз не будет сидеть сложа руки и уже нацелил ракеты на США.

У меня возникло убеждение, что война вот-вот начнется. Возможно, пары свежей краски из-за ремонта в квартире добавляли драматизма в мое восприятие. Но вечером я ложился спать на старом диване с мыслью: раз уж война неизбежна, то пусть случится этой ночью, чтобы умереть во сне, и все. Без мук.

Поцелуй меня

Как-то иду из школы домой, девочка старше меня лет на пять-шесть неожиданно подходит ко мне и наклоняет лицо к моему. Я отпрянул от нее.

– Ты что?! – говорю.

Она:

– Так ты же сам просишь.

– Я? Ничего я не прошу.

Она:

– Просишь поцеловать! – и пальцем показывает на мой ремень.

Я не понял смысла. Мы разошлись в разные стороны.

Вечером у папы спросил про ремень. Папа перевел надпись на ремне с английского на русский: «KISS ME!» значит «ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ!». С тех пор я начал стесняться своего красивого красно-бело-синего ремня. Иногда рассказывал пацанам о происшествии. Некоторые слегка завидовали и хотели повторить такой же эффект.

Шаровая молния

Светящийся шар плавно и бесшумно юркнул в нашу комнату через открытую форточку. Летом 1984 года (мне девять лет) я оказался в подмосковном лагере имени Германа Титова. Мы только что вернулись с обеда из столовой лагеря. В комнате находилось шесть мальчиков. На улице шел морозящий дождь и было серо. Вдруг появился этот яркий, но не ослепляющий шар размером с гандбольный мяч (сантиметров 10—15 в диаметре).

Шар беззвучно проплыл почти точно на середину комнаты и опустился до уровня плеча совсем рядом с одним из нас. Кто-то из мальчиков сказал: «Это шаровая молния. Не двигайтесь».

Мы замерли в тишине. Шар повисел несколько секунд на одном месте и вдруг лучом устремился в основание металлической кровати, стоявшей в середине комнаты. Все на этом закончилось. Пару минут мы боялись дотронуться до этой кровати. Но потом один мальчик дотронулся, и ничего не произошло.

Всего кроватей было шесть. Четыре расставлены вдоль стен и две посередине комнаты друг за другом от окна. Кровать, в которую «спряталась» шаровая молния, была моей. Мне досталось самое «непрестижное» место, так как я приехал в лагерь на пару дней позже начала смены. Утром этого дня один из мальчиков перерисовал «KISS ME!» с моего ремня на лист бумаги, и теперь этот лист висел под форточ-

кой надписью наружу и мок под дождиком. Молния прилетела кого-то поцеловать?

Космонавт Титов*

Первое, чего нельзя не заметить в лагере имени Титова, – это громкие хлопки, похожие на взрывы над головой где-то в небе. Довольно часто. Лагерь Титова находился рядом с военным аэродромом Кубинка, и его самолеты преодолевали звуковой барьер как раз над лагерем. Через пару дней привыкаешь и перестаешь вскидывать голову на хлопок и искать самолет в небе. Уже знаешь, что самолет где-то в другой стороне от хлопка.

Забавно было наблюдать за реакцией взрослых, приехавших на родительский день навестить детей. Дети, услышав хлопок, продолжают преспокойно что-то рассказывать папе и маме, а взрослые с тревогой вскидывают головы и всматриваются в высь.

Вообще лагерь оказался совсем другого уровня, чем те два, в которых я был в прошлом году. Здесь отдыхали дети сотрудников министерства внешней торговли (МВТ). Автобусы увозили детей в лагерь от места работы родителей, то есть прямо от знаменитой высотки МИДа на Смоленской площади. МВТ располагалось в левом крыле здания. Я там однажды побывал у папы, как раз когда он с невероятным трудом выбивал мне путевку в этот лагерь.

У детей в лагере были западные игрушки, одежда, кроссовки, солнечные очки, скейтборды, жвачка и прочее. И, конечно, хорошие комнаты для проживания с нормальными туалетами в кафеле и душевыми.

В лагере было интересно: спортивные соревнования между детьми, футбол, баскетбол, устраивали вечерние посиделки у костра, праздник Нептуна, можно было купаться в ближайшей реке, действовали библиотека, картинг и кружок авиамоделирования, показывали кино и мультфильмы.

У входа в лагерь стоял настоящий самолет МИГ, и – о чудо! – в него разрешали залезать, и никто не ругался. Но все мечтали о последнем дне смены – тогда перед отъездом показывали все серии «Ну, погоди!» подряд.

Я с охотой участвовал в соревнованиях и занимал призовые места. Помимо спринта, прыжки в длину, метание, еще что-то. Построимся на торжественной линейке, тебя вызывают и вручают грамоту за занятое место перед строем. Особенно приятно, когда вызывают несколько раз, собираешь пачку грамот. Потом ко всем отрядам: «Пионеры, к борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы!» Заранее грамоты перекалдываю в левую руку. Все дети разом: «Всегда готовы!» – и салютуешь правой рукой.

Повторяем еще два раза: «Будьте готовы!» – «Всегда готовы!» Затем включают песню «Взвейтесь кострами...», и мы строем начинаем маршировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.